

Олег МОШНИКОВ

г. Петрозаводск

«СЕВЕР», N 11-12 2011/2

*Молочные реки,
кисельные берега...*

В Калевале лето. Самое время венники заготавливать. Растолкала Прасковья своего деда раненько. Нечего дрыхать. Через озеро поплывем, к обеду бы вернуться. Пока в легкой карельской лодочке устраивались — топор здесь, веревку взяли — ясную тихую гладь озера Куйто затянула легкая утренняя дымка. Лесистые берега заблудились в косматом тумане. Да ничего, доберемся, путь знакомый. Правда, с годами ноги побаливать стали... у Тимы. Так что уж почитай пятый год Паша — на веслах, муж — у кормила. Ишь, поет, кормилец:

*Ёлки-палки, лес густой,
Едет Тима холостой!
Если Тима женится,
Куда Паша денется?!*

— Да куда, куда уж денешься, — вздохнула Прасковья. — Почитай сорок годков вместе... А ежели полсотни лет сбросить, то подумала бы еще, за тебя али за Семена идти. Вот уж хозяйственный мужик! Голова!

— Да-а-а, — протянул Тимофей, — голова — два уха... Мозгов только маловато. Одно хозяйство напоказ. Коровы да лошадь. Кобыла упрямая. Сноровом. Сам тут давеча рассказывал. Понес его черт зимой в соседнюю деревню. Туда — берегом. Обратное — темно, вечер — решил через озеро вставшее махнуть. А лошадь не идет. Семен и раньше эту странность за

кобылой замечал, льда открытого боится. Так кто-то Сене присоветовал: скипидаром скотине пужливой ускорение придавать. По этому совету Семен склянку под сеном возил вонючую. Так вот слезает он с саней, хвост заиндевелый аккуратно так приподнимает — и хлесть туда из склянки... Сеня даже за хвост не успел зацепиться, как ракета, ошпаренная стартанула!.. Только к утру на деревню вышел... Домашние еле-еле кобылу ошарашенную усмирили. Пришел: зуб на зуб не попадает. Вот тебе и Семен! Дальше — чище. По весеннему льду сети на озере поставил. Аж за пять километров. А выбирать как? Улов вывозить? Вот и договорился Сеня с соседом Николаем, что тот его на мопеде до места доставит. Да чудно как: сосед на мопеде впереди, а Семен на салазках, к багажнику притороченных, сзади. В аккурат, когда я на крыльцо вышел, в путь тронулись: треск, грохот! Шумахер деревенский на льду скорость набирает, Семен за перевернутые салазки из последних сил цепляется. Через полтора километра Николай оглянулся. Пуржит хозяйственник твой за мопедом облаком белым. Спортсмен, голова — два уха!

— А что? И спортсмен, как там его — спиннингист, и хозяин! — вступилась за сельчанина Паша. — Ольга-то его круглый год со свежей рыбой! А мы... Хоть бы мелочь какая окуневая, пропащая, сама в лодку прыгнула...

Но Тимофей молчал...

Вместе с клубами кудлатого тумана напознала на лодочку безутешная озерная гладь...

— Глянь, Тима, по воде гора какая-то плывет? Остров, что ли, и дерево на нем чудное.

— Какой остров? Не было здесь отродясь ни горы, ни острова. Ты б лучше покрепче на весла налегала, а не по сторонам тарашилась!

— Да остынь ты, Тима! — Паша осторожно подняла большое, промокшее до черноты весло. — Плывет кто-то впереди!

Впереди обомлевших стариков, в светлой расплывшейся дымке, колыхалась и фыркала рогатая голова плывущего посередине озера лося.

— Здоровенный-то какой, сохатый! На тот берег плывет... А что, мать, — загорелся Тимофей, — давай я его обушком легонько между рог приласкаю. С мясом будем!

— Ты что, старый? Кто ж такого лосяку до бе-

рега попрет? Ты, что ль, сапогами по дну елозить будешь?

— А если... если рога ему веревкой обмотать, крепко, чтоб не вырвался, и у берега тюк по лбу?

— Тебе б все тюкать! Тут подумать надо...

— А чего думать? — Тимофей стал деловито обкручивать раскидистую лосиную корону. — Зверь смиренный... Ты знаешь, сколько в нем живого веса? На всю семью хватит! Любе и Толе — по ноге. Клаше с зятем — половину. Антипихе...

— Ты, Тима, так все ловко разделишь, что нам окромя хвоста ничего не достанется.

— Ну, хвост не хвост, а холодцом наваристым я тебя до зимы обеспечу! За что возьмусь — все до ума довожу. Я у тебя такой! Суши весла, мать, эта корова рогатая сама нас до места доставит. Ишь как плывет красиво, голова — два уха! По такому случаю и бутылочку распечатать не грех. Гуляем, Паша!

Слушая бахвальство мужа, с тревогой вглядывалась Прасковья в проступающие туманные берега... Берег наплыл внезапно. Из сонного молочного морока навалились на легкое суденышко мохнатые валуны. Паша с Тимой едва успели за борта ухватиться. Почувствовав под собой землю, сохатый судорожными прыжками выбрался на берег. Вынужденное смирение переросло в дикую природную силу.

— Ой, лишенько! Тима, руби веревку!

А чем рубить-то? Еле душа в теле держится. Ветки, пни, кусты, ветки. По камням, по частому ельнику волочил за собой лось старика со старухой, пока промеж сосен могучих посудина углая ребрами не затрещала. Тут вместе с оторванным прицепным кольцом и веревкой дорвался-таки лось до вольной волюшки.

Паша из кустов можжевельных выползла, по бокам, платку сбившемуся руками провела: живая вроде. Из щепок, бывших когда-то любимой лодочкой, «петушок» мужнин — шапочку спортивную, обтруханную — достала:

— Тима, Тима! Ты где, Тимофей?

— Здесь я, неподалеку.

Поднявшись с колен, Паша задела спиной болтающиеся в воздухе сапоги. Зацепившийся фуфайкой за сосновый сучок, муж беспомощно висел в метре от желанной карельской земли. Паша обхватила мужа за ноги, потянула и в одно мгновение заключила его в цепкие объ-

тия. Целехонек! Только щека да спина сучком поцарапаны. Синяки и шишки не в счет. Дома пересчитаем... Кряхтя и охая, поплелись старики восвояси:

— Паша, а как же лодка?

— Да какая лодка, какая лодка? Ты что, до вечера щепу по лесу собирать будешь? Топор-то нашел? Вот тебя бы, а не сохатого, по лбу тюкнуть, ездун еловый!

— Паша, я того... новую лодку сделаю, еще лучше старой. Митричу, учителю, бутылку поставлю, он мне в чертежах пособит. Я тебе целый корабль нарисую. У меня, Паша, все в руках спорится! Я такой!

— Знала бы я, что ты такой — в девках бы осталась... Чего учудил: лося в лодку запряг! Ладно бы в телегу. Да и то, когда ты последний раз телеги касался? А? Корабль он мне нарисует. Иди уж!.. Съездили мы с тобой, Тима, за веничками. На всю жизнь разговоров хватит. Ни мяса, ни лодки. Только до чертиков по лесу увозились. Эвон солнце как высоко! Когда еще до дома берегами топкими, кисельными доберемся...

Над озером Куйто, вымывшись с головы до пят в пенном молочном тумане, стоял ясный июльский день.

По весне выбрались мы с супругой к моему деревенскому дядюшке. И повод весомый — юбилей. Живет дядя Володя с самого рождения в поселке Салми, что в переводе с финского значит пролив. Много финно-угорского в карельских названиях: ламба — лесное озеро, вара — гора, суо — болото. Живет дядя хорошо. В богатеи и депутаты не лезет. В фирме по заготовке леса работает шофером. Жена-красавица. Три дочери. Дом. Хозяйство. А места-то там ка-

кие! Лесные. Озерные. На скалах — сосны крыльями машут. В низинах ельники частые мхи серебряные стерегут. Не зря карельское Приладожье Северной Швейцарией называют.

Сели за стол. Родственники юбиляра хвалят. Звучат тосты. Звякают рюмки. А мне все хочется дядины рассказы послушать. Говорит он о своем житье-бытье живо и охотно. И вот постепенно я его на разговор «за жисть» вывожу да рюмочки для куражу наполняю. Вспомнили о рыбалке. Дядюшка вилку в сторону отставил. Оглядел притихшую родню и начал свой неспешный разговор:

«Вот, гляди, весна на дворе. Ранняя весна. Еле дождался, ёлки-сосёнки! Юбилей пройдет — не заметишь. А весну каждый год душой чувствуешь. Во как... Волновался, переживал, какая она будет. Ждать ли большого половодья? А самое главное: когда пойдет щука? Уже несколько лет не могу угадать, попасть на «щучьи гулянья». Завсегда в эту пору выкраиваю неделку, чтобы щуку половить. С детства этим увлекаюсь и живу. Без рыбалки да костра на берегу — будто воздуха в груди не хватает. Но то уже «прошла» щука, то вроде как рано еще, то, говорят, «подо льдом отнерестилась». Мало воды, много воды. Поди разбери ее, ёлки-сосёнки. Каждый раз грешишь на какую-нибудь причину. А по большому счету успокаиваешь себя — должно быть, уже перевелась та щука, какую в детстве пацанами ловили. А по осени лучить по ночам ходили. И все же, все же... Как на этот раз будет, повезет ли? Уж очень хочется и рыбы поесть, ушицы свежей, да и щукой к юбилею запастись.

В той ламбе, где я сети пускаю с детства, брат мой двоюродный — твой дядя Витя — тоже пускает. Да не гляди, племяш, по сторонам — при народе он в гости ходить не любит. Стесняется. Встречаемся с ним на рыбалке. Когда у меня совсем уж «голяк», он со мной своим уловом делится. Уху-то все-таки при любом исходе рыбалки пробую.

Так вот, племяш, настала она, моя разлюбезная пора! Открылась ламба! Пошла щука! Недели две назад был я на долгожданной щучьей рыбалке. Взял с собой зятя Шуркиного. Он с Александрой из Ильинского на выходные приезжал. До рыбалки сам не свой. Впереди меня

по лесу чесал. Сапогами по лужам бухал. Торопился. Да рыбацкое счастье от спешки не зависит. Добрались до озера. Топко. Половодье в самую силу вступает. Подтянули рыбацкие прорезиненные комбинезоны и побрели среди кустов и деревьев к своим местам — сети пускать. Тут брат навстречу бредет по воде. Улыбка до ушей. Он всегда навстречу идет. О чем бы люди ни попросили — в лепешку разобьется, а сделает. Безотказный. А отблагодарить его трудно, денег не берет, сам ни с чем не обращается. Иногда заворачивает ко мне на хату, когда с магазина идет. Выпьем по чуть-чуть. Но супружница его Валентина нос по ветру держит, тут как тут появляется: «Давай, Виктор, домой, нечего тут рассиживаться. Погостил, и будя». Тревожится она, чтобы он лишнего не выпил, не дай боже, затянет на неделю.

Поздоровались мы, стало быть, с братом, остановились — по пояс в воде.

— Ну, Витя, — спрашиваю я, — как рыбалка? Идет ли?

Брат немного подумал, прищурился, на нас, на небо поглядел и достает из-за пазухи сорокаградусную:

— Сейчас пойдет. Давайте, мужики, по капельке. А то болтаюсь тут один, как пробка в луже. Продрог весь, а выпить не с кем. — Открыл пузырь: — Не чурайтесь, что с горлышка. Стаканы не шишки — на ветках не висят. Ну, давай, Володя, зачинай. Не бойсь, на троих быстро справимся. Каждому — по пять бульков будет. Проскочит как родная. Проверено.

— Да ты что, — говорю, — как ее без закуски пить-то?

— Да, мужики, закуски — никакой... Валька меня всего «обшмонает» перед рыбалкой. Я вижу, да молчу, делаю вид, что не замечаю. Ну все проверит! Чтобы «шкалик» спрятать, разведшколу пройти надо. Какая тут закуска... Но я приспособился! Накануне бутылку куплю и в сети ее спрячу. Пока жена обыск производит, сети на виду лежат, да неприглядные больно. Тина, чешуйки... Тину, конечно, на зуб не положишь. А вот этот продукт на закуску в самый раз будет! — и достает из кармана еловые веточки: нежные, ярко-зеленые, весенние. Ёлки-сосенки! Что ж мы, дерево грызть будем? — Закуска мировая! — продолжал Вик-

тор. — И самое главное — запаха никакого. Дыхну на Валуху, бывало, после такого аромата — лесом, сосной пахнет...

Взяли мы с зятем по веточке. Стоим, мнемся. Волну по позже поемной гоним. Выхватил тогда брательник из моих рук бутылку. Сделал пять глубоких бульков, крякнул и показал нам, как закусывать надо. В жизни бы не подумал, что буду закусывать хвойными веточками! Такое только на рыбалке и возможно. Выпили. Веточки пожевали. Поставили сети да пару капканов на шук поголовастей. К вечеру домой засобирались.

Дома супруга моя Тамара спрашивает, как сходили, был ли Виктор, как у него рыбалка идет. Переглянулись мы с зятем, да смеха сдержать не можем. Рассказали ей, как мы старательно кисточки хвойные, как гузки куринные, нахваливали, стоя по пояс в студеной весенней воде. Посмеялись от души. На следующий день снова собираемся на рыбалку, супруга выносит пакет.

— Что это? — спрашиваю.

— Возьми, там бутылка, угости Виктора. Да и сами закусите хорошенько...

О как, племяш, тетка твоя наше мужское племя понимает да радуется! Родню не забывает. Худого не думает. А с Витей на рыбалке — одно удовольствие! Все рыбы повадки знает: когда жор, когда нерест, когда щука зубы меняет. Завсегда секретными рыбацкими поделится. Добрый он, бескорыстный и честный. Ну, а с выпивкой, так это же для интереса. По случаю. Аль после баньки. Ты в баньке моей вчера парился? Ну как? Вот то-то же! Ёлки-сосенки! Ну, наливай по целой, а то уйду...»

Ну куда он уйдет? Так дня два с ребятами из леспромхоза по случаю своего дня рождения покуролесит. Да и возраст уже не тот...

— Дядя Вова, — спрашиваю, — а рыба-то пойманная где?

— Как где? — отвечает дядька. — Вся на столе! Ну, за исключением двух чищенных шукарей, которых мой зятек в ручей упустил.

На столе дыбилась жареная щука, соленый сиг, рыбник с ряпушкой. На плите в большой эмалированной кастрюле дымилась и благоухала уха...

— А что это, — продолжаю я, — история такая со щукарями?

— История свежая, как эта щука! Взялся зять на взгорке юшку сварганить, пока мы с Виктором на резиновой лодке сети на глубине проверять поехали. Костровой картошку почистил, двух щукарей-«напильников» распотрошил, хвороста в огонь подкинул и за водой пошел. С котелком. И надо было ему щук у костра оставить, а не с собой нести. Только котелок в воду опустил, а «напильники» шасть — и по ручью в дальнее плаванье отправились. Как есть, без внутреннего содержания... Пришлось ему нас дожидаться. Тройную уху из щук и рыбной мелочи варганить. Воды он уже в ручье набрал: и в котелок, и в чайник. Каше-вар, ёлки-сосёнки!..

Обсудили зятя. Витину рыбалку...

— Дядя Вова, — подначиваю я юбиляра, — помнится, и вы на рыбалке маху давали. На Ладоге с батей моим полкарбаса рыбы наловили. Всю ночь у костра «гудели». А утром хватились — всю рыбу чайки перетаскали!..

Да дядюшка меня будто и не слышит — на другой разговор переключился. Все больше женой поворотливой, хозяйством, банькой жаркой похвывается. Да привирает малость:

— Я, племяш, по весне так в байне своей напарился, что веник от жара едва не расцвел, поставь в банку из-под пива — сейчас сережками брызнет! Вышел из парной в солнечный веселый день в одних шлепанцах, лег на тощий мартовский снег и — уснул. Проснулся, а вокруг меня трава оттаявшая зеленеет. Пар от земли идет весенний, теплый...

Привирает, конечно, не без этого. А когда и правду расскажет — не сразу поверишь. Вот хотя бы свои охотничьи байки. Да под разговор неспешный...

Хлопнули по рюмашке. Капусткой хрустнули.

— А что, — говорю, — дядя Володя, в лесу-то еще живность какая имеется? Ходишь ли на охоту?

— Да какая охота. Так, изредка, ружьишко с собой прихватчу, когда в соседний леспромхоз выезжаю, или так, прогуляться... Тут по осени со мной одна оказия приключилась. Выехал я на своей «Ниве» в сторону деревни Мансила. Собаку выгулять. Воздухом подышать. Ружье в машину кинул, на всякий случай. Перед де-

ревней свернул с трассы, выехал на лесную дорогу. С километр всего проехал. Вижу, посередине заросшей дороги лиса сидит! Я остановился. Ружьишко в окно высунул. Ну, держись, Патрикеевна! Бах картечью с двух стволов! Ружье у меня на дичь заряжено было. Лиса — брык и на спину повалилась. Собака из машины выскочила, залаяла. Цыц, говорю, Найда! В лес, в лес беги! Я тут сам справлюсь. Поднял я плутовку за хвост: хороший экземплярчик, не линиялый. Бросил лису в багажник. Зарядил ружьецо. И в лес зашел. Только зашел — глухарь на ветке сидит. Крылья топорщит. Ну, думаю, у меня тут царская охота начинается. Успевай заряжать! Сбил я глухаря. Несу добычу к машине. Вижу, собака моя вокруг «Нивы» круги нарезает, брешет как оглашенная. Подхожу к машине... Ёлки-сосёнки! Лиса-то живая! Как в сказке про старика и рыбу. То ли притворилась кума, то ли выстрелом ее слегка оглушило, но загадить машину мою собралась основательно! Багажник с салоном — одно целое. Вот и мечется рыжая то туда, то обратно. Двери распахнул — не выходит. Эх, была не была! Сдергиваю я с плеча ружье и — при очередном прыжке лисы на заднее сиденье — на курок нажимаю... Когда дым в салоне рассеялся, увидел я неприглядную картину: лиса — без головы, в сиденье дыра здоровенная и все вокруг кровью и мозгами забрызгано. Вот незадача. Выбросил я лису безмозглую из салона. Кое-как у ручья сидушки ополоснул и домой поехал. Собака скулит. На душе худо. В кои веки взялся поохотиться — и вот тебе результат. Хорошо хоть глухарь, дробью нашпигованный, не улетел. А то — никакого оправдания перед супругой. Одни расстройства.

Подъезжаю к дому. А у ворот поселковая забулдыжка стоит. Ждет, когда я из машины выйду.

— Дай, — говорит, — Вован, сто рублей до полочки. Я обувку себе купить хочу непромокаемую. От сырых ног, говорят, перхоть в волосах заводится, — и на тапки свои драные любитесь. Пальцы из дырок топорщатся, шевелятся поочередно, жалостливо. Я кошелек открываю, достаю стельник:

— На, покупай хошь тапки от перхоти, хошь колготки против сутулости. Но смотри, стошку

через неделю вернешь! А то полочки твоей до смерти не дождешься...

— А может, ты меня и до магазина доведешь? — загорелась пьянчужка.

— Садись...

Открыл даме дверцу, а сам домой глухаря и ружье понес. Возвращаюсь. Стоит забулдыжка у открытой двери. Дрожит. Рот бумажкой сотенной прикрывает. Увидев меня, за машину спряталась:

— Ты... Ты кого убил? — и в стекло заляпанное пальцем тычет.

— Как кого, — говорю, — соседа твоего, Кольку. Он мне месяц долг не возвращал. А у меня с должниками разговор короткий...

Смотрю: боком, боком — дамочка от меня в сторону улицы попятилась. Да вдруг как побежит, как заорет. Долго еще тапки ее «непромокаемые» при дороге валялись... Вот такая, племяш, история. Ну, давай еще по рюмашке! Нечего закуску в еду превращать. Ёлки-сосёнки!

Наутро я к дядюшке заглянул. О здоровье справиться. Дядька только-только ногами могучими половицы под лавкою притомил. Головой хмельной воздух бодает.

— Что, дядя, — сочувственно произношу я, — голова болит? Может, рюмочку?

— Не... Я, племяш, локти грызть буду, зубы крошить, но похмеляться — ни в жизнь!.. Я лучше литр водки куплю и снова — напьюсь. Похмелье — последнее дело...

Хороший у меня дядя. Рыбак. Охотник. Рассказчик занятный. И выпить может, когда душа того требует. Благодаря ему, и дяде Вите, и тете Тамаре живет деревня. Бьями и небылицами обрастает.

Повоевал я в пожарно-чердачных войсках Пизрядно, как в царской армии, — двадцать пять годков с гаком. Пора и честь знать. Перед пенсией устроился в пожарную часть при оборонном заводе. Тихо. Спокойно. Вызовов немного. Все больше учебные. Потому что техника безопасности на высоте. Люди обучены, работой своей дорожат. Да и своя внутренняя охрана не дремлет... Часть — боксы и две автоцистерны — располагалась за территорией предприятия и примыкала к зданию электрической подстанции. Неподалеку протекал ручей, вращавший турбину маленького энергетического объекта. Автономное электроснабжение никому еще не мешало. Дежурили — сутки через трое. И постоянно с одной и той же дежурной по подстанции — Алевтиной. Немолодая, смешливая бабенка нет-нет да и заглянет к нам на огонек. Дверь в смежное помещение всегда открыта. Расскажет что смешное, последними новостями поделится...

— Иваныч, — подсаживается как-то ко мне за ужином Алевтина, — ты помнишь ли моего четвертого мужика Шурку?

— Да захаживал как-то в караулку. Дверью ошибся.

— А это он ко мне шел, шалопутный, — продолжала насмешница. — Он у меня к домашней еде приучен. Сам ничего не приготовит, не разогреет. Вот и шастал ко мне на дежурство. Из моих рук все готов был слопать. Хоть ботву под майонезом. Я ему как-то на смене «вискас» на сковородке разогрела. Съел за милую душу. Еще и спасибо сказал, черт ласковый. Кот шкодливый!.. Думал, что я ничего о нем не знаю. Мне соседка Люба все про его похождения рассказала. Она когда-то с ним в одном общежитии жила. Это он у меня четвертый, а я у него — двенад-

цагая! Вежливый. Интеллигентный. В дом ни копейки не приносил. Мои намеки на дальнейшее житие-бытие мимо ушей пропускал. Терпела, терпела я его альфонство и наконец решилась. Пришла как-то вечером из магазина. А он в ванной тело свое розовое намыливает. Я вещи в шкафу перебрала. Все лишнее в коридор выставила. Сделала один телефонный звонок. На стол накрыла. Саша из ванной в моем халатике выходит. Довольный. Распаренный. И сразу за стол. «Аленька, ты у меня чудо!» А когда я бутылочку из холодильника достала, расплылся как блин: «Ой, хорошо-то как, Аленька! Христосики по душе бегают!» Ну, думаю, пусть еще немного побегают. Налила ему рюмочку, одну, вторую. Саша размяк, на спинку стула откинулся. Того и гляди мордашка пухлая от улыбки треснет. Вот тут-то я ему и говорю: «Ну что, помылся, поел? Собирайся, Шурик, вещи твои в коридоре, машина «такси» на улице ждет... Поторапливайся, время — деньги». Он: «Что, куда?» — «Как куда — в общежитие свое замызанное. С меня — хватит...» Так шуганула — едва успел халатик скинуть и чемодан свой драный подхватить. Вот так, Иваныч, теперь я снова — девка на выданье. Принимаю заявки и предложения!..

Веселая женщина Алевтина. Насмешит так насмешит! Взять хотя бы тот случай с трубой...

Заступил я на сутки. Все как обычно. Развод караула. Приемка техники. Учебные занятия. Только день выходной был. Потому я, как начальник караула, один на воеводстве. После ужина — кто у телевизора, кто в комнате отдыха в шахматы играет. Вдруг грохот на всю караулку. Как будто в стену снаряд попал. Все на ноги вскочили. Поди знай, что там гроыхнуло — завод рядом оборонный. Чу! — волна шумовая по коридору покатила — в комнату отдыха влетает... Алевтина. Да не в себе. Дрожит, ртом воздух хватает. Это она, оказывается, так дверью хлопнула, что стены закачались. Выскочила из подстанции, будто за ней черт гонится. Посадили на стул, водички налили.

— Что случилось-то? — спрашиваем.

— Там... там, — выдохнула Алевтина, — крыса в туалете!

— Фу ты, баба, — успокоился я, — напугала! Говори толком!

— Я и говорю, — заторопилась Алевтина, —

пошла в туалет. Лампочка там перегорела. Да дело привычное. Только присесть успела. А она меня как усами защекочет! И дышит, дышит. Боже святый! Я сразу к вам кинулась. Помогите, ребята! Я туда идти боюсь!

— А тебе чем помочь-то надо? Лампочку вкрутить али крысу выгнать? А ежели ты в туалет хочешь — у нас не занято...

— Да я, Иваныч, как с крысой поцеловалась — обо всем думать забыла! Ой, чуть жива... Помогите, милые!

Пошли мы вдвоем с дневальным по гаражу на подстанцию. С фонарями наизготовку. Зашли в темнеющий санузел. А вот и унитаз. Посветили вовнутрь... Эхма! Да там не крыса вовсе, а черт! Истинный черт! Усатый. Мордастый. Черный. Глаза круглые выпучил и пузыри пускает. Мы от неожиданности в коридор отпрыгнули. Переглянулись. Глазам своим не поверили. Осторожно, уже в два фонарных луча, голову страшную осветили... Ба! Да это ж выдра! Водятся в берегах лесного озера неподалеку сии создания божии. А эта, видать, по ручью, из озера вытекающего, пошла. Да трубу канализационную, что в аккурат из этого унитаза под берег выведена, с норой перепутала. Эх, бедная! Застрыла в очке намертво. Ни туда ни сюда протиснуться не может. Собрал тогда я свой караул. Объяснил обстановку. Бойцы решение мое поддержали. Ломиками и молотками унитаз разбомбили. Проход выдре освободили. Но та от страха и звона разбитого на куски унитаза сознания лишилась. Завернули мы животное в пожарную боевку и к ручью понесли. Там водичкой плеснули, рукавицами растормошили. Очухалась выдра! В воду прыгнула, хвостом вильнула. Помахали мы ей вслед и пошли — Алевтину успокаивать, что «черта» ее на волю выпустили... Никогда еще с такого ракурса — смеялась неунывающая Алевтина — ей ни с кем знакомство заводить не приходилось. И будь этот «черт» хоть немножечко мужчиной, то навряд ли удумал обратно в ручей нырять.

На следующий день — после моего обстоятельного доклада — заводское начальство распорядилось трубу злополучную решеткой загородить. Унитаз за счет предприятия восстановить. И — лампочками подстанцию обеспечить... Чтобы нечисть всякая трубу важного энергетического объекта с норой не путала.

Разные у людей фамилии бывают. Разные казусы из-за этого происходят. И люди-то, кого судьба фамилией такой необычной наградила, хорошие да отзывчивые. А вся их родословная окружающих в удивление приводит. Не князья, не «рюриковичи» с «багратионами», а фамильными историями знамениты не меньше оных.

Бывший мой начальник, генерал Федотко, любил приказания по телефону отдавать. Найди того-то, сделай это. Любил четкого понимания и выполнения поставленной задачи. Должность важная — руководитель регионального МЧС. Почет. Гордость. Возможности. Шутка ли, хлопец из простого украинского села до генерала дослужился! По причине высокого положения и преобладания в генеральском лексиконе «ридной мовы» говорил Федотко по телефону быстро, грозно, непонятно, съедая слова и меняя ударения. И так же быстро выходил из себя, когда что-то было не по нему, и подчиненный на другом конце провода говорил больше шести слов: «Есть», «Так точно», «Разрешите выполнять» и «Ура».

Как-то позвонил генерал на центральный пункт пожарной связи города Петрозаводска. Все вопросы раньше через оперативного дежурного по гарнизону решал, а тут напрямую решил диспетчеру задачу поставить. Выслушав вежливое сообщение девушки: «Служба спасения «01» слушает», Федотко вывалил на ленту записывающего устройства все свои малоросские соображения по известному только ему вопросу и с последними назидательными и гневными словами «...незамедлительно вдолбить решение ихнего ума» выдохнул:

— Вам все уяснило?

На что диспетчер не из робкого десятка ответила:

— Товарищ генерал, не могли бы вы все сначала повторить, я и половины не разобрала.

— Что?!! — генерал мгновенно вышел из себя. — Да я вас! Как твоя фамилия? Почему за мной не записывала?! Это приказ! Я с тобой разберуся! Как фамилия, спрашиваю?

— Глухая, — такой вот фамилией девушку муж наградил.

А Федотко и невдомек:

— Говорю громче! Какая у тебя фамилия?!

— Да Глухая я, Глухая!

— Что у вас там творится?! — опешил разъяренный генерал. — Глухих в диспетчеры набирают... Давай старшого смены, я ей все объясню! Наберут фитюлек — не видят, не слышат... Давай старшого!..

Насилу генералу казус фамильный разъяснили. А приказание его пришлось с магнитного носителя переписывать, всей сменой, в четыре руки...

Вот из-за такой же неразберихи с фамилией в Пудожском отряде пожарной охраны случай произошел любопытный. Приехал в район проверяющий из Москвы. Тревогу в карауле сыграл, на учениях поприсутствовал, сидит, документы проверяет. Вдруг — сигнал. Пожар в жилом доме поселка Кубово. Два отделения пожарной части с места сорвались. Проверяющий тоже в «уазик» вскарабкался, сидит, пыхтит, начальника части поторапливает. А пудожанин не спеша вокруг машины прохаживается да на часы поглядывает.

— Чего не едем! — не унимался московский подполковник. — Динамику прозеваем!

— Да сейчас, — отвечивал начальник части.

— Натариуса дождемся. Вместе и поедем...

Проверяющий от такой неслыханной провинциальной неспешности и бестолковости побагровел весь, из «уазика» выскочил как ошпаренный:

— Вы еще районного прокурора на пожар возьмите! Вместе вокруг пепелища хороводы водить будем! Там люди в беде! А вы о нотариусе с его завещанием думаете!...

Но тут пожарный инспектор капитан Игорь Натариус прибежал, запыхавшийся, с видавшей виды подпаленной дежурной папкой, и

недоразумение прояснилось. Род Натариусов — из Украины. Туда он вскоре и уехал. А история о фамильном казусе осталась. Старые пожарные до сих пор в усы пепельные посмеиваются, когда на великий профессиональный праздник — День советской пожарной охраны — случай этот вспоминают.

И вот еще на закуску презабавный казус, о котором мне мой сослуживец Константин Носок рассказал.

До прихода в пожарку учился Костя в Петрозаводском педагогическом институте, куда приехал из отдаленного карельского поселка. Поселился в общежитии. Веселая была жизнь. Студенческая. О чем прекрасно была осведомлена комендант общежития, державшая ухо остро. Костины приключения — кутежи после сдачи сессии, ночные подъемы и спуски по пожарному рукаву, девичий смех и полуночная гитара в носковской комнате — были ей не в новинку.

Как-то погожим предсессионным днем простирнул Константин свою одежду и вывесил за окно на веревочке. Дружок за пивом сбегал. Сидят друзья в комнате, пивко попивают. Вдруг ветерок дунул, и Костин носок черного цвета вниз с четвертого этажа на куст черемуховый спланировал. Костя в комнате старший был, имел вес и положение в студенческом братстве, вот и попросил приятеля за предметом немногочисленного студенческого гардероба сбегать. Дружок стремглав по лестничным пролетам понесся. А навстречу комендантша:

— Куда бежишь? Что случилось?

— Да носок, носок упал!

— Как упал? — схватилась за сердце женщина.

— Откуда упал?

— Да с четвертого этажа! Откуда же еще? Прямо из окна и вылетел... — на ходу оттарабанил студент и поскакал дальше по ступенькам в предвкушении недопитого пива.

— Ну, ты там поосторожнее, не трогай чего лишнего... — бросила ему вслед ошеломленная блюстительница порядка. Доигрался Костик, доползался по пожарным шлангам! Комендант тут же о случившемся кому надо сообщила и сама на четвертый этаж поднялась — осмотреть место происшествия. Заходит в комнату, а там —

Костя, живой, здоровый, подбородок округлый от пены пивной рукавом утирает...

Вот какие недоразумения по случаю странности фамильной в нашем многонациональном государстве произойти могут. А уж в армии, пожарке или студенческой аудитории все эти «Фигов с Масловым», «Глазов с Каплиным», «Чукова с Гекковой» надолго сочетаниями да дружбой — не разлей вода — товарищам запоминаются.

Куда только не заносила меня судьба! С самого детства. Три детских садика поменял. Все яблони, гаражи, дворы соседские обследовал. Однажды даже в общественный туалет провалился. Насилу отмыли. Правда, школу закончил одну. Нигде не запачкался, не отличился. Потому и вспомнить о ней нечего.

В армии побывал. Аж в четырех видах войск: связи, спецназе, артиллерии и стройбате. О своей «гордости» — службе в Капчагайской десантной бригаде — вспоминать не люблю. Нахлебался я этой небесной романтики вдоволь. Да и попал я в казахстанский город Капчагай благодаря своему слабому здоровью и невезению. Сначала я из арзамасской учебки в горьковский госпиталь угодил — с дизентерией. А там — завод шампанских вин за забором... Вот и сигнали ребята с нашего инфекционного отделения туда и обратно с полными ведрами и чайниками за шипучим пойлом... В первый и последний раз шампанское ведрами пил. До сих пор газами в нос шибает... На третьей межпалатной оргии нас и вычислили. И как есть — с дизентерией — в части лечиваться отправили. А там разбираться не стали. Из учебки напрямик — в дальние казахские сте-

пи... Наш брат солдат везде себе применение найдет. Пошел и я в спецназе по политической линии. Боевые листки, стенные газеты выпускал. Старослужащим дембельские альбомы раскрашивал. Крутился, в общем. Замполит мое радение заметил — в политическое военное училище поступать посоветовал. На выездной комиссии — в Отаре — сдал я необходимые экзамены и передислоцировался в Свердловск. В военное политическое училище по артиллерийскому профилю. Бац-бац, и — мимо... Мимо, потому что после получения офицерских погон угодил в королевские военно-строительные войска. Но об этом разговор особый...

После разгона стройбата в начале 1990-х попал я под сокращение. И прямым в систему МВД нырнул. Вернее, шагнул — в огонь. Без малого пятнадцать лет в Петрозаводске пожарным инспектором работал. С закрытыми глазами скажу, где какая улица, школа или больница расположены. Где какой пожар произошел... Судьбы, трагедии, благодарные слезы — все через сердце свое пропускал. За то и благодарен профессии огненной...

Бывали и в наших пожарно-чердачных войсках казусы разные. Например, милицейские рейды. Раз в неделю по линии МВД пожарных офицеров к патрульно-постовой службе пристегивали. Улицы патрулировать. Все как положено: рации, дубинки, квартирные разборки... Когда бы только вечером. А то ведь милиции нашей только давай — везде посты устроит. Таким образом, я на крыше девятиэтажного дома по Октябрьскому проспекту очутился. В этом районе квартирный вор объявился, через форточки в помещения жилые проникал. Вот и решено было на каждую крышу сотрудника поставить. О подозрительных звуках или личностях по рации сигнализировать. Карлсон на крыше — мир на земле. Распределял офицеров по домам местный участковый:

— Без толку на связь не выходите. Я сам вас вызову. Сидите, курите да вниз поглядывайте, — сказал и в свой участковый пункт потопал, с жалобами разбираться...

На крыше ветрено, холодно. Хорошо хоть дождя нет. Августовское хмурое небо на городской смог грудью сизой навалилось. Форточки

не звякают. Карлсоны не летают... Вдруг сигнал по рации. Участковый на связь вышел:

— Спускайся вниз, — говорит, — дело есть...

И пошли мы с лейтенантом по заявлению одной бабуся в соседнюю пятиэтажку. Серебро у нее фамильное украли. И упорно на медиков «скорой помощи» в кляузах своих указывает. Мол, некому больше. А на затылке у нее во время введения внутримышечных инъекций глаз нету...

— Надоела эта бабка, — сетует милиционер, — который раз ее заявления отработываю. Хрусталь, серебро... Больная на голову старуха! Сам увидишь...

Пришли. Оторванный звонок. Дверь обита обшарпанным дерматином. Вместо замка — дырка. Обстановка в квартире знакомая: шкаф, стол и полосатый матрас поверх панцирной железной кровати. Всемирная история: позднее среднехрущевье. На табуретке возле заваленного бумагами и справками стола сидит тихая старушка. Внимательно сквозь толстые роговые очки на нас смотрит. Через пять минут после вежливого вопроса лейтенанта и бессвязного ответа то и дело поджимающей губы бабуся украденное «серебро» — гнутые и скрученные алюминиевые ложки — нашлось под матрасом.

— Гражданка, — пошел в атаку участковый, — ну сколько можно серьезных людей от дела отвлекать, ложки и вилки перепрятывать. Ведь сами их сюда положили!

— Ой, не помню, милай, — заканючила бабушка. — Народу ходит тут тыща, все тащат...

В квартиру нетерпеливо постучали. Лейтенант, предварительно расстегнув кобуру, скользнул к двери:

— Кто там?

За дверью ответили:

— «Скорая»!

В комнату вошли нервный доктор и настороженная медсестра. Оглядев всех присутствующих, доктор остановил свой колющий, как шприцевая игла, взгляд на старушке:

— Ну что у вас опять, Спиридонова? Мне по смене передали утром: к вам уже «неотложка» приезжала...

— Ой, голова, ой, спина болит, милай. Наверняка давление... Мне бы какую таблетку али укольчик прописать. Помогите, касатик!

Осмотрев бабушку, доктор стал торопливо перебирать медикаменты в своем чемоданчике:

— Это не больная, это наказание какое-то, — обращаясь к милиционеру, проворчал эскулап. — На прошлой неделе два раза по этому адресу ездили. Ничего не нашли...

— А чего искали? Не серебро ли? — хохмил участковый.

— Кабы серебро, — продолжал насупленный медик. — Тут явный хомо маразмус, к диагносту не ходи. Температура нормальная, давление как у девочки... С полгода бригады «скорой» как на работу сюда по вызову приезжают...

— А может, скучно старушке, вот она и вызывает всех по очереди. Скоро и до пожарных доберется, — подмигнул мне развеселившийся лейтенант.

— Вот, на всякий пожарный, мы ей витаминчик и вколем, — подытожил сказанное доктор, вытягивая на тусклый ламповый свет брызжущий витаминами здоровенный шприц. — А ну, Спиридонова, поворачивайся. Лечиться будем...

Мы с участковым культурно отвернулись. Через несколько долгих, томительных секунд гулкую комнатную тишину разрядил подозрительный сдавленный всхлип. Памятуя о фамильном серебре, мы моментально среагировали на звук... Рыдал, вернее еле сдерживал смех, забив рот белым накрахмаленным колпаком, врач «скорой помощи». Вертела головой ничего не понимающая бабуся... А гораздо ниже головы, под спущенными панталонами, во всю полосу ослепительной попочной кожи красовалась старательной выведенная зеленкой надпись: «Бабка врет!»

Недолго я после того случая по крышам ходил. Не то чтоб форточники в городе перевелись. Нет. Просто пожарных, по каким-то соображениям, в МЧС передали. А там и я хвостом вильнул — в отставку вышел. Вот за письменным столом сижу, прошлое вспоминаю. Да записываю кое-что. Может, кому интересно будет. О людях. О службе. Вот один стройбат чего стоит...

После окончания училища и распределения в Ленинградский военный округ в штабе на Дворцовой площади, с ходу, рассмотрев мои документы, рекомендовали должность замполита военно-строительной роты в городе Петрозаводске. И я, балбес, позарился на предло-

жение — родной город, свое жилье... По прибытии в часть и доклада командиру огляделся. Одноэтажные бараки: клуб, штаб, три казармы. Стены каркасные. Окна низкие. Крыши до самых форточек нахлобучены. Только медпункт, столовая и склады ничего — кирпичные. Солдат в части много, а офицеров не хватает.

Распределили меня на должность заместителя командира второй роты. Личный состав: с гор по сосенке, со степи по саксаулу. Грузины, узбеки, казахи, азербайджанцы, литовцы, сибиряки, одесситы. Каждый призыв — открытие новых языков и народностей СССР. При казарме — канцелярия. С койкой. Дежурить и быть ответственным по части приходилось день через два. Как самого молодого назначили меня комсомольским секретарем части. Взносы собирать. Комсомольские собрания и политзанятия проводить. Клуб солдатский курировать. Приходилось и на стройки выезжать. Наша часть строила долго, бодро и размашисто сразу несколько объектов в Петрозаводске и других городах Северо-Запада. Заводы, котельные, жилые дома. С дрыном и матюгами выгонял я из подвалов и теплых бытовок сонных строителей коммунизма под пригляд чертыхавшегося прораба. Раствор стынет. Техника простаивает. Но основной моей задачей был клуб.

Замполит части обозначил для меня три момента: приведение в надлежащий вид зрительного зала, организация духового оркестра и дисциплина во вверенных подразделениях... Для покраски зала и сколачивания наглядной агитации командир роты выделил мне двух уральских самородков. Художников. Через неделю я их в санчасть сдал: надышались ночью ацетоновой краски и, как мартовские коты, друг друга расцарапали. А помещение я все-таки обновил. Узбекам дембельский аккорд подгадал. А настенную живопись я одному петрозаводскому портретисту заказал. Он мне клубную залу рабочими и колхозницами расписал — залюбуешься! Настала очередь оркестра. Инструментов духовых полная подсобка. Есть руководитель — прапорщик, интеллигентно и много выпивающий. Исполнителей — нет. Вот и бросил я клич по ротам: кто на зурне, кто на дударе, кто на бубне играет. Набралось человек десять, от стройки и нарядов по этому случаю освобожденных. Из ленинградско-

го управления музыканта прислали. В музыкальном взводе служил. Прапорщик его на тромбон определил. Тот старается, а звука нет. Оказывается, что дудеть он не умеет. Потому как играет исключительно на гитаре. А в духовом оркестре дудеть надо. Но не отказываться же от хорошего музыканта? Так и играл солдатик до дембеля на тромбоне. Щеки надувал. Для вида. Зато не фальшивил... На всех торжественных построениях — оркестр перед строем, я за оркестром, а командование части за мной, как расстрельная команда. То прапорщика в сторону качнет, то звук на середине Государственного гимна затеряется — за все по фуражке получал.

Завершилось мое клубное воеводство на праздновании 71-й годовщины Советской армии и Военно-Морского флота. Пригласило начальство артистов из филармонии. В том числе знаменитого пианиста — преподавателя Петрозаводской консерватории. Замполит части лично указал, что подкрасить, что подремонтировать надо. Я с ног сбился. Раздал музыкантам ведра, щетки. Солдат из роты привлек, чтобы сцену в наглядный вид привести. За час до концерта замполит части по залу с платочком прошелся. Нигде ни пылинки. Полы покрашены. Шторы отутюжены. Занавес красными звездами расшит. На пианино взглянуть больно: блестит как новенькое! И вот — концерт! Начальство на переднем ряду расселось. Узбеки с азербайджанцами при виде клубного великолепия присмирели. Посвоему не лопочут. По сторонам оглядываются. Раскрывается занавес. Я, согласно сценарию, номера объявляю. Третьим по счету — за русским танцем и мастером разговорного жанра — на сцену маэстро из консерватории выплясывает. Ручками, ножками туда-сюда при ходьбе вертит. Взлетел на стульчик. Челочку кокетливо назад отбросил. Открывает крышку пианино... Ну кто же знал, что казах Калбасенов не только гипсовый бюст Владимира Ильича Ленина, установленный на сцене, но и облупившиеся клавиши пианино белой эмалированной краской покрашит. Ни одного просвета. Намертво...

После такого конфуза и сорванного представления меня навсегда в ротную канцелярию заключили. Неуставные взаимоотношения пресекать. Заниматься дисциплиной и самодисциплиной, как указало мне начальство, надо без от-

рыва от казармы!.. Теперь со строек и расположения роты я отлучался только в служебные командировки. Для поимки дезертиров. Кой в бегах были регулярно, на разные дальности и временные промежутки. Вот об одной такой командировке я и хочу вам рассказать...

Как-то по зиме приезжаю со стройки. Солдат из машин выгрузил. Пересчитал. Командир части вызывает.

— Так, лейтенант, — с ходу огорошил меня командир, — берешь двух сержантов со своей роты и — в Москву. Там на гауптвахте, в Алешкинских казармах, наш солдат, рядовой Карпунин содержится. Милиция на Казанском вокзале задержала. Съездишь и привезешь. Выписывай командировку... Да смотри не упusti! Он молодой, зря не побежит, тут разобраться надо...

В штабе выдали деньги и документы. Залетев в казарму, вызвал в канцелярию двух надежных сержантов:

— Демочкин, Давлетмурзаев, собирайтесь. Вот командировочные. Через три часа выезжаем в Москву за Карпуниным. На вокзале встретимся. Я — за билетами.

От части до вокзала одна остановка. Через воинскую кассу снимаю бронь. Забегаю домой — с родителями попрощаться. И вот мы уже в вагоне...

В Москве договорились — забираем Карпунина, гражданскую одежду с него стягиваем, чтобы бежать не в чем было. Ну, оставим, конечно, пару вещей для прикрытия. Не звери же... Как решили, так и сделали. В Алешкинских казармах перед выводом Николая Карпунина на чистый морозный воздух срезали мы у него на куртке и брюках все неположенные пуговицы, располосовали бритвой штанины на манер пальмовых листьев, которые держались исключительно руками задержанного, и таким карнавалом на Ленинградский вокзал прошествовали. Купили купе. Во избежание нежелательного общения с гражданскими лицами. Плотно поужинали. Дезертира голодного накормили. Упаковали Николая на верхнюю полку, предварительно связав по рукам и ногам. И завалились спать... Около часа ночи просыпаюсь от того, что кто-то меня в бок толкает. Давлетмурзаев!

— Что случилось, сержант?

— Убижалъ, товарищ лейтенант! Веревка перерез, ремень развязал и убижалъ!

Ах ты! Я спрыгиваю на пол и как есть, в одних трусах, выскакиваю в коридор. Вижу — сидит наш беглец в тамбуре перед туалетом. Наверное, остановки ждет. На нем гражданский наряд, который сержант Демочкин в Москве прикупил. Куртка, брюки, шапка меховая. Накормили, нарядили на свою голову! Я ринулся за Карпуниным по коридору. А он шмыгнул в следующий тамбур и заперся там на ключ. Откуда этот наглец ключ вагонный взял? Наверняка у проводницы в купе порылся. Дверь не поддается! Давлетмурзаев, пыхающий за моей спиной, пытался кулаком стекло выбить. Да куда там... Зазевавшийся в купе Демочкин побежал за проводницей. Пока та оглядывала нашу бесштатную команду, пока дверь в тамбур открывала — Карпунин распахнул наружную вагонную дверь и на полном ходу прыгнул в свистящую снежную ночь...

Командир части стоял в очереди за женскими зимними сапогами, которые нет-нет да возили по линии военторга в наш армейский магазинчик:

— Ну что? Привез Карпунина?

— Никак нет, товарищ подполковник! Сбежал. Возле Акуловки с поезда спрыгнул...

Сапог просвистел рядом с моим ухом. Толпа, набившаяся в магазин, отпрянула назад. Крут был командир. Крут и горяч до крайности... Не прошло и полгода, как с погона его двухпросветного полковничья звезда слетела. За самодурство.

А дело вот как было. Грузины, большой партией прибывшие в Петрозаводск и держащие в те годы за шиворот любого ротного авторитета, наотрез отказывались дневалить и убирать казарменные помещения. После очередного слушания построил командир часть в спортивном городке для... показательного повешенья. Веревки с петлями уже на перекладинах болтались. Табуреточка рядом. Все чин чинком. Вывел командир из строя одного наиболее рьяного отказника и приказал его к перекладинам тащить, в последний раз подтянуться.

— Ну, джигит, выбирай — петля или тряпка?

— Я нэ тряпка!.. Лучше вешай!

Гордый. Наивный. Веревки-то подрезаны были, да и петлю солдату на подбородке затянули.

— Кто еще полы в казарме мыть не хочет? Шаг вперед.

Никто не шелохнулся. Но когда командир табуретку из-под джигита выбил, строй ахнул. А джигит малахольный, не дожидаясь окончания представления, в обморок бухнулся. Тут всех солдат по казармам разогнали — порядок наводить. Упрямец в санчасть отнесли. А наутро — на стройку в другой город откомандировали... После в части никто против слова командира не роптал. Но начальство — наверху — подобного самоуправления одобрить не могло. Смахнул полковник с погона одну звезду, но стиль руководства своего не поменял.

В очередной раз самодур на моей спине женскими сапогами отыгрался. Загнал меня в штаб, велел выдать тринадцатую зарплату и под Новый год за свой счет на поиски дезертира упущенного отправляться. Да еще с теми же сержантами. Чтобы Демочкин с Давлетмурзаевым в две ряшки лейтенантские оклады объедали.

Выяснив конечный пункт командировки — глухое кержакское село в Нижне-Ингашском районе Красноярского края, поплелись мы втроем на вокзал. Взяли билет до Ленинграда, а оттуда — на Свердловск. Везде ориентировку на Карпунина оставляли. Вдруг объявится. От Свердловска до Красноярска доехали без приключений. Перед самым вокзалом Давлетмурзаев чего-то забеспокоился, решил первым из вагона выйти. По платформе прошвырнуться. Когда мы с Демочкиным вышли на станции Красноярск, Давлетмурзаева на ней не было. Только через полчаса от вокзала в нашу сторону быстро засемила квадратная широкоплечая фигура, при приближении оказавшаяся запыхавшимся сержантом:

— Убижалъ, гад! Опять убижалъ...

Оказывается, Карпунин ехал с нами на одном поезде, даже в соседнем вагоне. А увидев на перроне Давлетмурзаева, бросился через вокзал в соседний жилой квартал. В пункте милиции нам выделили «уазик». Но организованная погоня застряла в заснеженных привокзальных дворах... Ночью мы сели на поезд до Нижне-Ингашска.

Маленький сибирский городок встретил нас

бодрящим тридцатиградусным морозом и нетопленным Домом колхозника, где нам предложили три койко-места. Перед тем как ухнуть на свою койку, я проверил книгу постояльцев гостиницы. Нет ли там знакомой фамилии. Со мной уже был подобный случай. Приехал я в один уральский поселок, в 50 км от которого находится деревня, откуда дезертировавший солдат в армию призывался. Устраиваюсь в гостиницу. Заполняю бумаги. Вдруг рядом знакомый голос раздаётся. Я глаз скосил — мой дезертир! Спрашивает у администратора ключ. Я не долго думаю — в милицию. Те солдатика повязали и до ближайшего райцентра довезли. Там через военную комендатуру — этапом — в Петрозаводск. Хорошо я тогда съездил. С толком. И условия проживания были не в пример лучше. Ведь тогда лето было. А сейчас зима...

Поднялся я в комнату — не теплее коридора. Иней на стенах. Дежурная по Дому колхозника посоветовала надеть шерстяные вещи, хорошенько разогреться и — под перину. Чтобы согреться в окутанных нашим дыханием комнатах, мы с сержантами, не снимая шинелей, пробежались по коридору. Тепло стало. Жить можно. Но прежде чем нырнуть с головой в сбитый сердобольной дежурной сибирский пух, я навестил местное управление милиции и военкомат. Уговорились наутро, не будя сержантов, на военном «газоне», в объединенном составе — я, прапорщик, дежуривший по военкомату, и местный участковый Кондратьев — неожиданно навестить карпунинское село.

— К вечеру доедем, — подбодрил меня участковый, — для Сибири это не расстояние...

В шесть утра мы уже были в пути...

Кержакское село высыпалось редкими огоньками из-за снежного лесистого взгорка.

— Давай сразу к нему домой, — взял руководство операцией по поимке дезертира милиционер. — Что сейчас, лейтенант, согласно распорядку дня? А? Просмотр программы «Время»! Пошли... У Семеновны, матери твоего дезертира, еще двое ребятишек. Да хахаль какой-то прижился. Она женщина с норовом. Да и соврет — недорого возьмет. Так что бдительность не терять...

Но дома Карпунина не оказалось. Отворила нам дверь сухонькая чернявая женщина в на-

кинутом на плечи сером пуховом платке. Будто ворона, глазами темными, настороженными туда-сюда водит.

— Семеновна, — начал разговор Кондратьев, — а где сын твой Колька сейчас, случайно не знаешь?

— Как не знать, к бабушке в Иркутск уехал. Сегодня утром и уехал, — ответила женщина и в знак подтверждения своих слов отступила в расположенную сразу от дверей кухню. За столом сидел всклокоченный материн хахаль в оборванной на левом плече майке. Ели кашу двое сопливых ребятишек.

— Уехал, говоришь... Ну, ладно, — милиционер увлек всю нашу сыскную команду на улицу.

— Врет баба! Сына выгораживает, — попыток жил наши догадки участковый. — Здесь он — в деревне. Носом чую! Пойдем к девахе его. Хаживал, говорят, к ней Коленька до армии. Женихался...

Но и девица где-то гуляла.

— Один в Иркутск уехал, другая по морозу шастает, — рассудил Кондратьев. — Все! Здесь будем ждать! Глуши мотор, гаши фары!...

Через час ожидания видим — идет девушка одна. В дом заходит. Мы — следом.

— Где Николай?!

Та от неожиданности все и рассказала. У подружки с Колей встречалась. Теперь он домой пошел...

На наш долгий непрерывный стук в дверь карпунинского дома ответил хрипловатый женский голос:

— Кто там?

— Участковый!

— Сейчас открою...

После приглушенного шороха за дверью все затихло.

— Открывай, мать твою! — гаркнул милиционер, ухнув кулаком в заиндевелое дверное полотно. — А то дверь вынесем!

Наконец дверь открылась, и мы вошли в натопленную кухню.

— Что не открывали? — поинтересовался Кондратьев.

— Ой, да мы спать уже легли, — отмахнулась от вопроса женщина. — В полусон что стук, что собака лает — все одинаково...

За столом, в той же самой застывшей позе и

оборванной майке, сидел всклокоченный материн хахаль. Продолжали есть кашу двое сопливых ребятишек.

— Спать, говорите, легли, — хмыкнул в усы участковый. — А ну, ребята, пойдем посмотрим, кто еще тут спать хочет.

Начали мы комнаты осматривать. Чердак. Подпол. У Кондратьева глаз наметан. Шкаф проверил. Кладовку взглядом колючим прощупал. За трюмо в углу комнаты заглянул:

— А ну, вылазь, стригунок! Да не вздумай рыпаться! Хуже будет!

Но Карпунин выпрыгнул из-за трюмо, как черт из табакерки, боднув милиционера стриженной головой в грудь. Кондратьев от неожиданности чуть на пол не грохнулся. Но на полу оказались — одним клубком — я, прапорщик и налетевший на нас Карпунин. На Кондратьева с двух сторон надвигались Семеновна и ее кудлатый мужик. Когти наготове, клюв раскрыт.

— Ша! — скомандовал участковый, щелкнув затвором вынутого из кармана тулупа пистолета Макарова. — Еще шаг, и стреляю!

Хозяева дома замерли на месте. Наконец и нам с прапорщиком удалось скрутить Николая. Посадив дезертира на табуретку, Кондратьев спокойно спросил:

— Ну, давай поговорим как мужик с мужиком. Чего ты, дурень, из армии утек?

После короткого и откровенного разговора выяснилось — из-за девушки. Мол, дружок написал, загуляла зазноба. Вот и рванул сгоряча. Не мог места себе найти, пока с девушкой не повиделся. Показалось дружку, верна солдату подруга.

— Я с вами поеду, — произнес Николай, — но дайте с невестой проститься...

Участковый согласился. Но всю дорогу до Капиного дома руку в кармане тулупа держал, на всякий случай...

Наутро военный «газон», забрав по пути заspanных сержантов, довез нас до железнодорожной станции Нижне-Ингашска.

— Ну, давай пять, — протянул мне руку участковый Кондратьев, — теперь только доведи в целости и сохранности. А то бегунец твой на мамкиных пирожках отъелся, еще дальше из вагона прыгнуть может: в Иркутск или на Камчатку.

— Теперь не убежит, — улыбнулся я, — обещаю.

Сели мы в проходящий скорый «Иркутск — Челябинск» В одну плацкарту. От мира гражданского простыней занавесились. Во избежание лишних разговоров проводницу предупредили — военного преступника везем. А самого Николая — под коленями и лодыжками — к ножке стола привязали, и руки, скрученные ремнем, чтоб все время на виду были. Поочередно дежурили. Но все равно спали вполглаза. На соседнем боковом месте парень длинноволосый ехал. Все к нам заглядывал. Разговорчивый. Я говорю:

— Если тебе поговорить не с кем, составь компанию нашему дезертиру. А то нам с ним общаться нельзя, по уставу. И еще — спать ему не давай. А то он, выспавшись, враз от пут своих освободится. И тогда его никакой конвой не остановит!

Проникнувшись оказанным ему доверием, парень до самого Челябинска Карпунина историями забавлял. И периодически, когда голова солдата непроизвольно склонялась над столом, бил ему в лоб недоеденной куриной ножкой или чайным подстаканником:

— Не спать, дезертирская морда!..

Не знаю уж, от какой муки мечтал избавиться больше всего Карпунин — тугих веревок или болтливового паренька, — да только с великой радостью повалился на лавку в камере задержанных при пункте милиции на Челябинском вокзале. Дальше до Петрозаводска — в поезде «Челябинск — Мурманск» — ехал Карпунин в специальном арестантском вагоне с караулом. А мы подле — в соседней плацкарте — на всякий случай...

В родной предновогодней части встретили нас как героев, редкий случай, что в столь короткие сроки беглеца сыскать и доставить смогли. Командир части благосклонно разрешил мне новогоднюю ночь в кругу семьи провести. Для замполита — непозволительная роскошь... А Николай Карпунин через два месяца уже дома был. С белым билетом. Месяц в дурдоме прокосил и — восвоися! И с части одну палку за побег сняли. Сумасшедшие не в счет. Сумасшедшим — в стройбате не место. Там только дебилы и олигофрены служат. Если посмотреть медицинские карты прибывших осенью новобранцев... Да еще с судимостями половина. Да еще из Средней Азии. С нар и пыльных степей.

В славные советские времена кого только не присылали в нашу военно-строительную часть! В специалистов лопаты и мастерка превращались и греки, и венгры, и буряты, и казахские немцы с чеченцами. Но не сразу командирское слово до новобранцев доходило...

Таджики, прибывшие в «королевские» войска в национальных халатах и расписных тюбетейках, оказались единственными обитателями казармы имени дружбы народов, не понимавшими ни одного обращенного к ним слова и не имевшими ни малейшего представления о современных городских условиях. Поэтому, как раз на такой случай, в курс молодого бойца входили учебно-показательные занятия «Как сидеть на унитаза», макет которого был установлен в каптерке у старшины Билазова. Испытуемые на нужном месте таджики принимали самые экзотические позы, чаще всего, чтобы не упасть, хватаясь руками за трубу сливного бачка. Но и это не спасало их от конфуза...

Правда, к чести солдат из Средней Азии, держались они дружно. Дезертирства среди них не было. Поножовщина и рукоприкладство — да. Бывало, что из петли солдатиков вынимал. Не бутафорской, как на перекладине спортгородка под плакатом «Выше, дальше, быстрее», где командир грузина страшал. А из настоящей, безвременной... Всякого пришлось хлебнуть в стройбате — и плохого, и хорошего. Бывало, на грани срыва, непомерной усталости от стройки, личной неустроенности, непролазного казарменного быта, в гуще очередной межнациональной разборки выхватываешь моменты, которые запоминаются, остаются отдушиной или червоточиной в моем командировочном стройбатовском офицерстве...

Выходные и праздники — дни замполитов. За бетонным забором, когда вся часть в сборе, ответственные по ротам замполиты пытаются удержать неуставные взаимоотношения. Стараясь отвлечь личный состав от самовольных отлучек спортивными праздниками, задушевными беседами и индийским фильмом в отремонтированном клубе. Но все равно всех занять не удастся. В один такой «ответственный» день я наблюдал ссору между солдатами соседней роты. Высокий и жилистый азербайджанец задирал широкого и спокойного бурята. После сло-

весной перепалки, под ободрительные крики земляков, солдаты наскочили друг на друга пехотами. Я поспешил вмешаться:

— А ну, прекратить драку! Разойдись!

Растолкав солдат, шагнул в кулачный круг. Вдруг бурят, отпрянув от своего обидчика, завизжал, закружился на одной ноге, прижимая ладони к плоскому, как лопата, лицу:

— Ай! Ты что! Ты что глаз бьешь — морда мало?!

И вместо того чтобы разойтись, толпа покати-лась от смеха. Дружный хохот примирил две враждующие стороны до самого отбоя...

Ответственные офицеры, как правило, пересчитав по койкам «отбитый» личный состав, собирались в одной из ротных канцелярий и... немножко выпивали. Находиться на территории части — через день на ремень — без снятия напряжения никакая психика не выдержит. И называлось данное мероприятие — «спайка коллектива».

В нашей второй военно-строительной роте раз в месяц, для «спайки коллектива», принято было посещать доступные в 80-х годах городские питейные заведения... в форме. Как-то раз, зимой, ЗИЛ с «утепленными» дугами под брезентовым верхом остановился у кафе «Белые ноги» («ноги», потому что неоновая «ч» в названии кафе никогда не горела). Из заиндеветшего кузова на яркий витринный свет вывалились загулявшие командиры. При входе, сдавая один за другим метры парадной, предложили раздеться... На что замкомроты, молодой, неопытный лейтенант Солодченко, ответил категорическим отказом. Важный. Что ты — суворовское училище окончил. Потребовалось вмешательство администрации кафе, командира роты, чтоб стянуть с узких мальчишеских плеч огромный армейский бушлат... Под бушлатом оказалась одна драчная мариманская тельняшка вперехлест с широкими помочами непомерных ватных штанов, расстаться с которыми упрямец так и не решился. В таком вот экзотическом виде он и прошествовал в обеденную залу, где все уже было готово к нормальному мужскому разговору о работе.

Разговоры о работе, битых носках, ночных самоволках, невыполнении дневной нормы на стройке, жалобах прораба, неподчинении приказам командиров еженедельно проходили в канцелярии роты совместно со «спайкой кол-

лектива» и «красной субботой». На «красную субботу» в канцелярию, где присутствовало все руководство роты — три офицера и четыре прапорщика — вызывались наиболее «отличившиеся» в неприятии армейской дисциплины солдаты — лентяи и залетки. На лобном месте — стоящей посередине комнаты табуретке — они получали свою долю увесистого командирского негодования и назидательной ненормативной лексики. После чего повинную голову ласково оглаживала ручная машинка для стрижки волос, которой мастерски владел прапорщик Артемьев... Но однажды в одну из «красных суббот» в притихшей казарме не оказалось ни одного нарушителя дисциплины. То ли в самоходе, то ли на гауптвахте оказались. В общем, не было в тот день для командиров объекта воспитания. А «спайка коллектива» произошла в усиленном трехлитровом варианте. В образовавшейся неразберихе и дымной канцелярской тесноте на лобном месте оказался прапорщик Бабошко, покорно склонив греческий шнобель на усеянную значками «Отличник погранзаставы» и десантными «парашютиками» впалую грудь. Над ним, деловито и слегка покачиваясь, склонился прапорщик Артемьев. Занесенную над бабошкиной головой блестящую шелкающую машинку отвел в сторону командир роты Осовский, вовремя вернувшийся из столовой. Положив на стол бачок с зелеными квашеными помидорами, крепко ухватившись за его чугунные бока, командир несколько раз потрянул лысоватой головой и произнес:

— Слушай мою команду! Всем по домам... Я на роте останусь до утра... Больше... Больше в канцелярии пить запрещаю!

— А меньше? — икнул в своем углу прапорщик Билязов.

— А меньше — дома, — оторвал взгляд от бачка и оглядел обкуренную канцелярию Осовский. После такого взгляда никому в роте оставаться не захотелось. Да и продолжать веселье на стороне тоже.

Проводить до дома Артемьева и Бабошко, заключивших друг друга в крепкие братские объятия, вызвались мы с прапорщиком Мустафаевым... Мустафаев был старшиной нашей роты. Услужливый. Верткий. Но при его каптерном царствовании в расположении ничего из ротного

имущества не задерживалось. То ли призыв был воровской, то ли старшина ушлый. Во время его дежурства разложенные с вечера по тумбочкам щетки, мыло, зубные пасты ночью оказывались в таксопарке. В обмен на ящик водки. Или телевизор ротный на катере на другую сторону озера уплывал. Солдат повинных находили, а организаторов и скупщиков — нет. Мог Мустафаев начальству пыль в глаза пустить. Вернее, вовремя от пыли избавиться. Чуть какая проверка, Мустафаев солдат своих, в каптерке прикормленных, через забор соседней строительной части перекидывал. А обратно пиломатериалы принимал, гвозди, лак, краску. Часть забором московского подчинения, с их складов не убудет. Комиссия на порог, а у Мустафаева стены новой пролаченной вагонкой обиты, полы поверх слоя пыли и грязи яркой краской покрашены. Не казарма, а картинка!..

Вспомнилось вдруг, как мы с Мустафаевым, тогда он еще командиром взвода был, ездили на поиски дезертира в казахстанский город Аркалык. Дезертир, русский парень, живший в Казахстане, вырвавшись из Средней Азии в Карелию, пошел чудить — из самоходов и женских общежитий не вылезал. И, наконец, совсем казарму имени дружбы народов покинул. Вот и отправились мы с Мустафаевым дезертира в Тургайской степи искать.

В поезде «Ленинград — Алма-Ата» Мустафаев решил свою национальную торговую сметку применить. Прохиндей! Знал бы, что учудит, ни за что бы с ним в командировку не поехал. Купил у студентки-проводницы бутылку водки. В 1990-м водка только по талонам была. Тут же завернул бутылку в полотенце, чтобы отпечатки пальцев не стереть, и достает из-за пазухи мои протоколы и бланки объяснений. Я как военный дознаватель имел их в достаточном количестве. Все опросы к уголовным делам подшивались. А Мустафаев их на стол проводнику выложил и говорит:

— Сейчас протокол составлять будем или потом?

Девушка — в слезы. Проводники по вагонам забегали. Позор-то какой!.. «Или потом» обернулось здоровенным бригадиром поезда, явившимся через пять минут после начала следствия

по бутылке с пачкой денежных купюр в кармане рубашки. О чем судили-рядили бригадир и Мустафаев, закрывшись в купе проводника, мне неизвестно. Но через полчаса вышли довольные, и денег в кармане бригадира заметно прибавилось. Больше я прапорщика одного из купе не выпускал. В туалет — и то под приглядом.

По прибытии в Аркалык я — по родственникам и явкам. А Мустафаев — на базар. Вскоре стал я замечать, что прапорщик с какими-то подозрительными личностями общается. Деньги и пакеты из рук в руки передают. Тут не информацией о пребывании дезертира — тут «травкой» пахнет! Скучая по старшинской каптерке, стал Мустафаев продукт конопляных полей на рынке покупать и перепродавать. Того и гляди за прилавок встанет. Задал я ему перца и решил подобру-поздорову в Петрозаводск отправить. Все равно следов беглеца в степи не наблюдалось.

Сам тоже стал домой собираться. Но напоследок решил родителей своего солдата — Ергазы Карашаулова — навестить. Он тоже из Аркалыка призывался. Аул его от города в 20 километрах располагался.

Нежданно-негаданно привез я весточку от сына отцу и матери. Вся родня аульская в юрту набилась. Прием был ханский! Командир Ергазы в гости пожаловал! Правда, за низеньким столом одни батыры. Женщины в сторонке. От жирного бешбармака и теплой водки меня быстро разморило. Мужики пузатые на двор пошли. Гирю подымать. Силушкой мериться. А я голову хмельную от подушек, вокруг стола разбросанных, поднять не могу. Задремал даже. Проснулся от громкого лопотания. В юрте женщин полно. Хозяйка что-то старушкам сморщенным рассказывает и в меня пальцем тычет. Те головой качают и удивленно охают. Я опять в сон погрузился... Потом я у матери Ергазы спросил, о чем это она гостям рассказывала-хвасталась.

— А как же, — говорит, — ты же из Ленинграда приехал?

— Ну да, поезд «Ленинград — Алма-Ата».

— Значит — внук Ленина!

О как! Хороший народ казахи. Гостеприимный. Будет чему на очередной «спайке коллектива» подивиться...

По осени было решено мероприятие по «спайке коллектива» перенести в пойму реки Лососинки. Развели костер. Прихватили из столовой остывший ужин, бачок, кружки. И, отдав должное простой солдатской пище, пустили по кругу одну, вторую, третью бутылку «Пшеничной»... Ребятишки, рыбачившие неподалеку, натаскали хворосту, сучьев... Полыхнуло. Побежали, обгоняя друг друга, по сухому дереву жадные огненные язычки... Господа офицеры и прапорщики — за исключением оставшегося в роте по причине внезапно возникшей трезвости Бабошко, разгоряченные жаркими бесконечными спорами о «любимой» работе, пошли купаться... Не оставив своих суворовских замашек, замкомроты Солодченко бухнулся в бурную порожистую реку, не раздеваясь. Потом все грелись... На ветках и кольях парилась лейтенантская форма, сапоги, фуражка. Дымились носки. Сам добрый молодец сладко спал на теплой зольной земле...

Садилось солнце. Догорал костер... Проснувшись от дикого осеннего холода, лейтенант не обнаружил на берегу ни одной живой души. Не было и одежды. В кучке золы, пепла и сапожных гвоздей нашлось несколько пуговиц, звездочка и погнутая кокарда... Пришлось зазевавшемуся костровому по темени домой добираться. Босьяком. В трусах и майке... На службу вышел через день. Новую форму справил. Звездочки приколот. Кокарду вставил. Ходит буквой. Ни с кем не разговаривает. На мировую пить отказался...

Так Солодченко и Бабошко от «спаек коллектива» отказались. А там и часть нашу сократили... Бабошко на пенсию вышел. Солодченко на Украину уехал. Осовский в Калининград — на дальнее пограничье, погранзаставой хозяйствовать. Мустафаев ларек на Антоновском рынке открыл. А я — в пожарную охрану Петрозаводска. Опыт военного дознавателя пригодился. Те же объяснения и протоколы. Война с окурками, дуростью, наплевательским отношением к себе и близким. Только вместо дезертиров — прожигатели жизни, чердаков, матрасов. И профессия другая, огненная, тоже нужная, благородная. Офицерская. Но более человечная, что ли...

Нет-нет да и загляну в караулку Первой пожарной части за какой-либо надобностью. Провести детишек в депо на экскурсию. Справиться о машине, выделенной на празднование Дня города. Взять интервью о пожаре, где отличилось дежурившее сегодня звено... Позади смена караулов, боевые занятия... В часы чуткого послеобеденного отдыха в «курилке» стучит домино, дымно и весело от дружеских шуток, метких колких словечек бывалых «тушил»... Нет в тесной прокуренной комнатке ощущения тягостной усталости и кичливой спеси, что отличает иных полицейских чинов и вышколенных военных. Пьют чай — садись, пей чай. Ставят «рыбу» — забирайся под стол. С наскака не возьмешь спортивного забора — элемента пожарной эстафеты — даже будучи доминошным «козлом»... Единение, ощущение значимости своих сил и поступков приходит в битве с настоящим неуправляемым огнем, когда от твоей решимости, быстроты и смелости зависят судьбы людей, товарищей, шагнувших в неведомое через порог задымленного подвала или пылающего чердака... Ополоснувшись после жаркого боя у открытых гидрантов, сбив пламя и выпустив дым, ребята шутят: «Кончай перекур!» Впереди новые бессонные сутки. Зачеты на мужество. Крещение огнем... Сердце занимается светом, когда в караулке к тебе, равному, принятому в

брандмейстерское братство после совместных выездов и огненных ночей, обращаются ясные, знакомые лица, лица пожарных...

Сейчас, на полувековом рубеже, я спрашиваю себя, что мне дороже всего на свете, что я боюсь потерять, что я должен сохранить во что бы то ни стало. Тепло и доброту рано ушедших из жизни родителей? Любовь сына? Единение сердца и души, упоение в близости любимой женщины? Так спрашиваю я себя. И все больше убеждаюсь в том, что все это чудесным образом соединено в человеческой памяти. Я дорожу каждым данным мне мгновением детства, отрочества, юности. Службой в армии. Командировками в стройбате. Работой в пожарной охране. И я боюсь потерять все это. И сделаю все, чтобы любимые и близкие не покидали меня до последнего вздоха. До самой последней минуты я буду помнить лучшие и трудные моменты жизни, доверяя юмор и лиричность прожитых лет белому бумажному листу.

□

Олег Эдуардович МОШНИКОВ

родился в 1964 г. в Петрозаводске.

Поэт, прозаик.

Первая стихотворная подборка была опубликована в 1988 г.

в газете Уральского военного округа.

Автор книг «Птица-ночь» (1995), «Духов камень» (1999),

«Космонавт» (2002), «Солнечные письма» (2009).

Стихи и рассказы переведены на вепский,

карельский, финский, шведский языки.

С 1998 г. член Союза писателей России.

